

Наречие *максимально* также характеризуется высокой употребительностью, неоднократно повторяясь в речи 19 % респондентов. Приведем примеры данных употреблений из проанализированного материала: *максимально активно* (22.02.24, ОНТ, Марков. Ничего личного); *круг максимально заинтересованных* (05.04.24, Беларусь 1, Скажинемолчи); *максимально подкованный* (14.06.24, Беларусь 1, Скажинемолчи); *максимально обезопасить, максимально расширять контент* (08.10.24, Беларусь 1, Скажинемолчи); *максимально живу свою жизнь* (28.05.25, Беларусь 1, Скажинемолчи) и др.

В речи 17 % респондентов зафиксировано повторяющееся употребление наречия *безумно*. Например: *безумно популярная* (14.06.24, Беларусь 1, Скажинемолчи); *промышленность безумно развита, безумно талантливые, безумно ответственный* (11.09.24, Беларусь 1, Скажинемолчи); *безумно благодарна* (20.09.24, Беларусь 1, Скажинемолчи); *безумно любят свою работу* (13.02.25, ОНТ, Марков. Ничего личного) и т.д. Широкое функционирование в речи респондентов данного наречия свидетельствует об активности «процесса приобретения квалификативными адвербиальными лексемами количественных значений» [1, с. 372]. Примерами проявления указанного процесса служат также следующие словосочетания из проанализированного материала: *невероятно сложная* (07.05.24, Беларусь 1, Скажинемолчи); *страшно талантливый, страшно не хватает* (14.08.24, Беларусь 1, Скажинемолчи); *категорически мало* (20.08.24, Беларусь 1, Скажинемолчи); *невероятно потрясающая, невероятно красиво* (27.09.24, Беларусь 1, Скажинемолчи) и т.д.

Заключение. Таким образом, в русской устной публичной речи белорусских телеканалов наблюдается высокая частота употребления наречий со значением степени проявления признака или состояния, в роли которых регулярно используются и отдельные качественные наречия.

1. Дегальцева, А. В. К проблеме изменения норм современного русского языка / А. В. Дегальцева, О. Б. Сиротинина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2022. – Т. 22, вып. 4. – С. 368–376.
2. Новикова, Л. П. Особенности функционирования наречий в современной русской устной публичной речи / Л. П. Новикова // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1. Филология. – 2025. – № 2. – С. 104–111.
3. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ОГИЗ, 1935–1940. – URL: https://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/117_Tolkovyy_slovar_russogo_yazyka_pod_red_D_N_Ushakova (дата обращения: 05.11.2025).
4. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. Исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – 702 с.

ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ РУССКОЙ КЛАССИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ (НА ПРИМЕРЕ ПЬЕСЫ О.А. ШИШКИНА «АННА КАРЕНИНА II»)

*М.О. Польшников
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

На рубеже XX–XXI столетий постмодернистская методология приобретает доминирующее значение в отечественном литературном процессе, что особенно отчетливо проявляется в сфере драматургического творчества и, в частности, в феномене «новой драмы». Концептуальными векторами данной художественной парадигмы выступают деструкция устоявшихся литературных канонов и поиск инновационных эстетических стратегий, призванных обогатить литературный дискурс посредством введения новых смысловых конструкций, включая ревизию классического наследия отечественной и мировой словесности. Указанные тенденции во многом детерминированы специфической литературоцентричностью русской и советской культурных традиций [3].

Обращение к классическому канону конституировало один из фундаментальных механизмов культурной жизни XX столетия, при этом тексты классиков функционировали в качестве базового компонента образовательной системы СССР в рамках обязательного школьного курса и получали широкую рецепцию среди различных социальных страт благодаря многочисленным кинематографическим адаптациям. Постмодернистский дискурс, включая его драматургическую составляющую, эксплуатирует русско-советское литературное наследие в двойственной перспективе: с одной стороны, происходит актуализация идей посредством апелляции к узнаваемым образам и сюжетным структурам, с другой стороны, осуществляется введение альтернативных интерпретаций и толкований, необходимых как для обогащения культурного кода, так и для его критического переосмысления в контексте позитивной или негативной аксиологической модальности.

Цель данной работы – проанализировать проблему художественного переосмысления русской классики в современной русской драматургии на примере пьесы О.А. Шишкина «Анна Каренина II» через призму метатекстовой категории авторского сознания, а также жанровую структуру драмы.

Материал и методы. Материалом исследования послужил текст пьесы О.А. Шишкина «Анна Каренина II». В ходе исследования были выбраны описательно-аналитический и культурно-исторический методы.

Результаты и их обсуждение. Исследование феномена авторского сознания и механизмов его репрезентации в драматургическом тексте характеризуется значительной сложностью, обусловленной редуцированным спектром способов манифестации авторской интенциональности в сравнении с прозаическими формами [2]. Для осуществления анализа проблематики художественного переосмысления в драматургическом произведении О.А. Шишкина «Анна Каренина II» представляется необходимым обращение к жанровой структуре драмы, которая конституируется двумя взаимосвязанными уровнями организации: семантическим (включающим систему персонажей, конфликтную структуру, пространственно-темпоральную организацию и художественную методологию) и морфологическим (охватывающим особенности сюжетного конструирования, речевую архитектуру произведения и жанровую детерминацию) [1].

С позиций репрезентации авторского сознания произведение О.А. Шишкина «Анна Каренина II» демонстрирует амбивалентную стратегию взаимодействия с классическим романом Л.Н. Толстого: с одной стороны, осуществляется рецептивное воспроизведение оригинального текста посредством категорий конфликта, сюжетной архитектуры и речевой организации, с другой стороны, реализуется деконструктивный подход через трансформацию системы персонажей и пространственно-темпоральной структуры. Концептуальным основанием творческой методологии драматурга выступают теоретические положения ведущего теоретика и философа постмодернизма У. Эко (что эксплицитно декларируется автором в предисловии к пьесе), в частности, теория гипертекстуальности, согласно которой реципиент обладает правом на сотворчество и создание индивидуальной интерпретативной версии воспринимаемого произведения [5].

На уровне конфликтной организации наблюдается авторская интенция к развитию толстовских идей о нравственной деградации и цивилизационном тупике в контексте стремительного технологического и социального прогресса (эпоха александровских реформ и либеральных преобразований), которые, однако, интенсифицируются О.А. Шишкиным посредством деконструкции хронотопа.

Инкорпорирование сюжета пьесы-сиквела в эстетику стимпанка, предполагающую доминирование механистического начала над антропологическим, позволяет автору радикализировать толстовский пафос. Конструируя футуристическую Россию как

империю паровых технологий, где медицинские учреждения трансформируются в «заводы по переработке» людей, и превращая Анну Каренину, пережившую железнодорожную катастрофу, в киборга (симулякр человеческого существа), авторское сознание создает образы, амплифицирующие толстовские опасения относительно деструктивного потенциала эволюции общественных институтов и техники, ведущих к антигуманистическим концепциям.

Примечательно, что через речевую организацию, сохраняя поведенческие модели и дискурсивные практики романых персонажей, их склонность к рефлексивным рассуждениям, О.А. Шишкин осуществляет смысловую акцентуацию, позволяющую расширить идейное поле «Анны Карениной». Показательным примером служит дискуссия о минимизации жертв железнодорожных происшествий:

«Анна: Давно хотела спросить тебя, отчего у нас висит эта карта.

Каренин: Здесь обозначены некоторые конечные пункты наших будущих железных дорог. Они дойдут до Тихого океана.

Анна: Ты мыслишь большими масштабами.

Каренин: Так положено мыслить государственным чиновникам.

Анна: Скажи, а тебе известно, сколько ежегодно людей гибнет на железных дорогах?

Каренин: Не более трехсот человек. Цифра, как ты понимаешь, незначительная для многомиллионной империи.

Анна: Но ведь дороги будут развиваться.

Каренин: Естественно.

Анна: Значит, и жертвы будут расти.

Каренин: Логично.

Анна: И что же следует делать?

Каренин: Ничего.

Анна: То есть как ничего?

Каренин: Конечно, следует усилить безопасность движения. Но нет такой силы, что бы остановила локомотивы. Да и как ты себе это представляешь?

Анна: Но ведь происходит гибель людей?

Каренин: Это естественно. Смерть естественна. Но если мы не проложим железнодорожные ветки, то наши соплеменники не получат медицинской помощи в случае болезни или катастроф. У них будут проблемы с работой, ведь наши дороги обеспечивают ею много людей. Так что есть, над чем подумать. Техника без жертв не бывает. Сколько людей умерло, упав с лошади? А мы ведь не смотрим на них как на орудие убийства.» [4].

Заключение. Проведённый анализ пьесы О.А. Шишкина «Анна Каренина II» демонстрирует, что постмодернистская стратегия работы с классическим текстом в данном произведении носит не деструктивный, а диалогический характер. О.А. Шишкин не разрушает смысловое ядро толстовского романа, но амплифицирует его, используя эстетику стимпанка как инструмент радикализации авторских интенций Л.Н. Толстого. Трансформация Анны Карениной в киборга — не произвольная игра с классическим образом, а последовательное развитие толстовской критики технократической цивилизации до её логического предела. Анализ жанровой структуры драмы выявляет продуктивную амбивалентность авторского сознания: на морфологическом уровне (речевая организация, дискурсивные практики персонажей) сохраняется преимущество с первоисточником, тогда как на семантическом уровне (хронотоп, система персонажей) осуществляется радикальная деконструкция. Данная двухуровневая стратегия обеспечивает узнаваемость классического претекста при одновременном расширении его

интерпретативного потенциала. Обращение О.А. Шишкина к теоретическим положениям У. Эко о гипертекстуальности свидетельствует о рефлексивном характере современной драматургической практики, где творческий акт осознанно позиционируется как форма сотворчества с классиком, а не как его преодоление или отрицание. Таким образом, исследование художественного переосмысления русской классики в современной драматургии представляет собой продуктивное направление литературоведческой работы, находящееся на пересечении нескольких актуальных проблемных полей: теории интертекстуальности, поэтики драмы, рецептивной эстетики и культурной памяти. Дальнейшее развитие данного направления будет способствовать как углублению теоретического понимания закономерностей литературного процесса, так и решению практических задач в сфере образования, театра и культурной сферы.

1. Гончарова-Грабовская, С.Я. Поэтика современной русской драмы (конец XX – начало XXI века) / С.Я. Гончарова-Грабовская. – Мн. : БГУ, 2003. – 70 с.

2. Зайцева, И. П. Автор в драматургии и прозе с позиций коммуникативной стилистики художественного текста / И. П. Зайцева // Коммуникативные исследования. – 2016. – № 3 (9). – С. 102–114. URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/29072> – Дата доступа: 20.12.2025.

3. Перова, Е.Ю. Литературоцентричность русской культуры как особенность национального восприятия / Е.Ю. Перова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2014. – № 21. – С. 152–159.

4. Шишкин, О.А. Анна Каренина II [Электронный ресурс] / О.А. Шишкин // Вавилон. – Режим доступа: <https://www.vavilon.ru/textonly/issue9/shishkin.html>. – Дата доступа: 20.12.2025.

5. Эко, У. От Интернета к Гутенбергу (Пер. С итл. Е. Костюкович) [Электронный ресурс] / У. Эко // Журнальный зал. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/1998/4/ot-interneta-k-gutenbergu.html>. – Дата доступа: 20.12.2025.

ГОДОНИМИКОН КАК МАРКЕР РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ВИТЕБСКАЯ И БРЕСТСКАЯ ОБЛАСТИ В НАЗВАНИЯХ УЛИЦ

*М.М. Прищепца
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Топонимика как раздел ономастики представляет значительный научный интерес, поскольку топонимы служат ценным источником для изучения истории народов и эволюции их языков. Будучи своеобразной «памятью места», они аккумулируют и отражают ключевые социально-исторические процессы. Актуальность данного исследования определяется потребностью в системном описании урбанонимии конкретного населенного пункта как важнейшей составляющей его ономастикона и общим интересом современной культурологии и лингвистики к семантике и прагматике номинации в коммуникативном пространстве. Урбанонимы, отражая культуру создавшего их социума, выполняют важные информативную и идентифицирующую функции. Поэтому анализ урбанонимии является ключом к пониманию культурного своеобразия регионов [3; 4; 6]. Несмотря на наличие ряда работ по ономастике Беларуси, в том числе выполненных в сравнительном ключе [5; 7–9], данная проблематика требует дальнейшей детализации и расширения рамок исследований.

Целью статьи является сравнительный анализ годонимиконов Витебской и Брестской областей как маркеров их региональной идентичности для выявления общих закономерностей и специфики отражения историко-культурного кода в урбанонимии.

Материал и методы. Источником материала исследования послужили списки названий улиц 19 белорусских городов Витебской и Брестской областей (5535 годонимов), которые получены методом сплошной выборки из топонимических справочников, топографических карт и интернет-ресурсов. Последние представлены в открытом доступе на официальных сайтах Витебского [2], Брестского [1] городских и районных исполнительных комитетов. В работе использованы методы исследования: инвентари-